

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2016

№ 4

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»*

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка (Д.А. Функ)	8
--	---

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ АНТРОПОЛОГИИ

Соколовский С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность?	12
--	----

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ДИСКУРСЫ В АРКТИКЕ И СИБИРИ

Гаврилова К.А. Репрезентация российской Арктики в дискурсе арктических форумов	30
Головнёв И.А., Головнёва Е.В. «Сибирь Советская»: образ региона в культурфильме Александра Литвинова	57
Миськова Е.В. Левиафан: дискурсивная зависимость от нефти. От ресурса к метонимии и обратно	83
Опарин Д.А. «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта	108

КОЧЕВНИКИ В МИРЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Карлов В.В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации	131
Головнёв А.В. Риски и маневры кочевников Ямала	154
Солдатова А.Е. «Может, его призвание – тайгу знать на “пять”»? Образовательные траектории цаатанов и тувинцев-тоджинцев	172

САКРАЛЬНОСТЬ И САКРАЛИЗАЦИЯ

Харитонов В.И. Сакральность и сакрализация: социокультурные контексты современности (введение к специальной теме номера)	185
Ермакова Е.Е. Формирование современного сельского религиозного ландшафта: на примере святынь села Чимеево Курганской области (Россия)	191
Маничкин Н.А. Сакральные переживания: новые материалы к характеристике типов измененных состояний сознания и дифференциации киргизского шаманства	216
Харитонов В.И. Шаманские духи: основа сакрального и средство сакрализации	236

MISCELLANEA

Трубина Е.Г. Приоритеты властей и опыт жителей сквозь призму полимасштабности: случай Кулдиги (Латвия)	262
Зайцева О.В., Кузнецов Н.А., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Забытые комплексы и китайские монеты Тимирязевского-1 курганного могильника	281

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ДИСКУРСЫ В АРКТИКЕ И СИБИРИ

УДК 338:001.895 (4/8)
DOI: 10.17223/2312461X/14/3

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В ДИСКУРСЕ АРКТИЧЕСКИХ ФОРУМОВ*

Ксения Андреевна Гаврилова

Аннотация. Анализируется риторика репрезентации Арктической зоны РФ и проблем, связанных с ее управлением, в рамках специализированных арктических форумов 2014 и 2015 гг. Описывается общий контекст форумов – основные участники, организаторы и типичные темы для дискуссий. Рассматриваются ключевые категории, используемые участниками для формирования стереотипного образа региона как уникальной территории, требующей особой регулятивной политики (категории *уязвимость*, *безопасность* и *устойчивое развитие*). Основное внимание в статье сосредоточено на представлении о людях (их классификации, номинациях и характеристиках), присутствующих в Арктической зоне. Социальный портрет Арктики в рамках форумов формируется двумя противопоставленными группами населения: «коренными народами» и «трудовыми ресурсами». «Коренные» выделяются в особую группу, требующую (вследствие малочисленности и уязвимости) системы социальных преференций и программ поддержки. «Кадровый потенциал» российской Арктики рассматривается как универсальный «легион труда», обеспечивающий функционирование и развитие промышленности, транспорта, моногородов или зон освоения шельфа. Первая группа отвечает за экзотику и традиции (преемственность культуры), вторая – за основную форму присутствия государства в Арктике – ресурсное освоение региона. Показательно, что постоянное население Арктики репрезентируется исключительно как пассивный или зависимый *объект* управления. Исследование базируется на выделении ключевых дискурсивных стратегий и категорий (лексем, словосочетаний или целых мотивов), формирующих риторику форумов, и выполнено методом дискурс-анализа.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона РФ, Арктический форум, кадровый потенциал, КМНС, освоение Арктики, дискурс-анализ

Официальный взгляд на Арктику как «стратегический регион» в последние несколько лет формируется и артикулируется на крупных все-российских и международных форумах, где встречаются федеральные и региональные власти, крупный бизнес, имеющий интересы в Аркти-

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-18-02136 ««Дети девяностых» в современной российской Арктике: оценка настоящего и желаемое будущее».

ке¹, эксперты и журналисты. Российских представителей социальных дисциплин (социологов, антропологов и политологов), исследующих Арктику, нельзя назвать частыми гостями форумов – подобные мероприятия воспринимаются ими как «официальные», направленные на решение сугубо практических вопросов. В предлагаемой статье речь пойдет о том, как и чем может заинтересовать, удивить или информационно обогатить арктический форум гипотетического антрополога – исследователя Арктики. Свой анализ я основываю на опыте наблюдения за двумя форумами, прошедшими в 2014 г. в Санкт-Петербурге: II Международным арктическим правовым форумом «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты» (13–14 ноября; ключевой организатор – Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа) и IV Международным форумом «Арктика: настоящее и будущее» (10–11 декабря; ключевой организатор – МОО «Ассоциация полярников»)².

Вначале я опишу общий контекст обоих форумов – основных участников (экспертов и «стейкхолдеров» арктических проектов) и обсуждаемые темы (формирующие воображаемую «арктическую повестку»³). Далее я сосредоточусь на двух принципиальных вопросах: какими ключевыми категориями пользуются участники форумов, описывая *социальное* пространство Арктики, и как они репрезентируют (воображают, понимают, называют, характеризуют) основной фокус внимания антропологии – *людей*. Не претендуя на исчерпывающую характеристику языка, на котором российское политическое и промышленное сообщества говорят об Арктике, я выделю и проанализирую функционирование нескольких ключевых дискурсивных категорий (лексем, словосочетаний или целых мотивов) риторики форумов⁴. Подчеркну, что в мои задачи не входит обзор геополитических изменений в российской Арктике, и тем более меня не интересует критика представленных на форумах проектов и стратегий развития арктического региона; данная работа сфокусирована исключительно на *риторике* дискуссий об Арктике и выполнена методом классического *дискурс-анализа*⁵. Материалом для анализа служат официальные документы форумов, тексты докладов, презентации и конспекты выступлений участников и комментаторов форумов. В заключение я продемонстрирую, какие особенности российского дискурса об Арктике воспроизводились, а какие претерпели определенные изменения на V Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее», прошедшем 7–8 декабря 2015 г. также в Санкт-Петербурге.

Общий контекст форумов: участники и темы

Кто воспринимается учредителями форумов в качестве обязательных участников: ключевых докладчиков, экспертов, модераторов и

приглашенных дискуссионщиков⁶? Масштабные мероприятия, обозначенные как «форумы» и включающие в название ключевое слово «Арктика» или его дериваты, предполагают обязательное участие **представителей центральной государственной власти**. Как правило, в пленарных заседаниях форумов участвуют представители государственных структур федерального уровня, соответствующих повестке мероприятия, причем количество пришедших госчиновников одновременно определяют статус / престиж форума и обуславливается им. Например, программный буклет «Правового форума» обещал поддержку мероприятия Государственной Думой РФ, а на пленарном заседании первого дня планировались выступления заместителя председателя Думы, члена комитета Думы по безопасности и противодействию коррупции В.А. Васильева, председателя комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А.А. Клишаса и др. (Программа проведения 2014). В то же время более масштабный и тематически диверсифицированный ежегодный «Форум АСПОЛ» пользовался официальной поддержкой десяти министерств и шести федеральных служб и агентств (Официальный каталог 2014: 18–19). Свое приветственное слово, среди прочих зачитанных, произнес министр природных ресурсов и экологии РФ С.Е. Донской, а в число выступавших на пленарных заседаниях госчиновников вошли ряд заместителей министров, руководители нескольких федеральных комитетов, а также президент и четыре вице-президента «Ассоциации полярников» (Программа 2014: 2–4).

Не менее обязательным оказывается присутствие на форумах **представителей региональных управляющих структур** и общественных институтов «арктических» (или соседствующих с ними) субъектов РФ: основным организатором «Правового форума» выступило правительство ЯНАО (на самом форуме в равной степени присутствовали специалисты-правоведы и представители округа), о своей поддержке «Форума АСПОЛ» официально заявили администрации 17 субъектов РФ и двух городов федерального значения (Официальный каталог 2014: 20–21), из выступлений губернаторов и представителей регионов состояла программа пленарного заседания второго дня форума (Программа 2014: 7). И если значимое присутствие федеральной власти одновременно санкционирует мероприятие, утверждает его значимость на государственном уровне и задает изначальный «центристский» вектор риторики, то выступления представителей регионов – особенно в случае «Форума АСПОЛ» – «овеществляют» саму «Арктическую зону Российской Федерации» (далее – АЗРФ), очерчивая ее воображаемые границы⁷.

Важную категорию участников «Форума АСПОЛ» составили **представители промышленности и операторы сферы услуг**, работающие в Арктике: ресурсодобывающие и разрабатывающие компании (Офи-

циальный каталог 2014: 36, 52–53, 57 и др.), представители отраслей машиностроения (промышленного, транспортного, судостроения и др.), транспортные компании и представители транспортных узлов, а также компании, отвечающие за поддержание и развитие инфраструктуры арктических регионов (строительство, телекоммуникации, электроэнергетика, банки (46, 50–51 и др.).

Кроме того, особое место на форуме (в частности, в выставочном пространстве) занимали **научные институты**, центры, а также частные компании, осуществляющие прикладные «научно-технические», «научно-производственные», «проектно-изыскательные» и другие работы – в особенности в сфере геологической разведки и обслуживания арктических промышленных объектов (38–39, 46–47, 56–57). «Правовой форум», ожидаемо, концентрировался на выступлениях юристов, правоведов, специалистов в сфере экономики и геополитики, представлявших ряд исследовательских институтов, например Институт законодательства и сравнительного правоведения при президенте РФ, Арктическую общественную академию наук, РАНХиГС, Государственную полярную академию, Финансовый университет при Правительстве РФ и др. (Программа проведения 2014). На обоих форумах представители социальных наук, международных некоммерческих (в том числе экологических) организаций и независимых научных агентств были в меньшинстве.

В фокусе **повесток** обоих форумов было обсуждение современного состояния и перспектив развития АЗРФ. Многие доклады строились как отчеты о проделанной работе, как дайджест будущих проектов или как обзор текущих проблем и имели целью не только создание общего контекста разговора о конкретных аспектах политики и экономики в Арктике, но и дискурсивное утверждение региона в нынешних административных его границах, а также артикуляцию собственного символического права на решение освещаемых проблем – права докладчиков и, метонимически, тех государственных и частных институций, которые докладчики представляли. Наиболее важные вопросы, формулируемые как тематика секций или поднятые в ходе обсуждения, следующие: а) разработка «ресурсного потенциала» АЗРФ; б) международные отношения и «национальные интересы» России в Арктике; в) дискуссия о границах региона и эффективном управлении арктическими территориями (в особенности – о морских границах и праве на арктический шельф); г) экология и экологические риски, транспортное обеспечение, промышленность в арктической зоне (и другие модели хозяйствования); д) стратегии инвестиций и формы государственно-частного партнерства, а также е) вопросы, связанные с положением коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) и недостатком квалифицированных работников в Арктике.

Повестка «Правового форума», в свою очередь, была в большей степени сосредоточена на обсуждении (этнографии, экспертизе и критике)

практик внутрироссийского и международного правового регулирования хозяйственной деятельности и режимов присутствия в Арктике. Общей для обоих форумов была дискуссия об оптимальной форме управления арктическими территориями: в ходе «живых» выступлений чаще всего звучали призывы к созданию отдельной правительственной институции, курирующей АЗРФ; в резолюциях форумов отразились предложения об учреждении «на федеральном уровне межведомственного органа, <...> ответственного за выработку государственной и северной политики», «экспертного совета по Арктике» (Резолюция, проект 2014: 4), «Федерального целевого фонда развития Арктики» (5 (9)), «особого плана Государственной Думы РФ по решению вопросов Арктического региона», «коллегиального органа» для решения «комплексных проблем развития» АЗРФ (Рекомендации участников 2014: 5).

Наконец, еще одной формой участия в форумах были выставки и презентационные панели, организованные регионами, компаниями или отдельными конструкторскими бюро параллельно с сессиями заседаний⁸. Обобщенный сценарий форума, таким образом, балансировал между демонстрацией приверженности и соответствия собственных программ государственной политике в области АЗРФ, артикуляцией желаемых перемен и использованием форума как ярмарки «актуальных» товаров, чьи производители ощущают потребность в государственной поддержке⁹.

Общий дискурсивный контекст форумов

Одним из наиболее эффективных способов обозначения того минимального фона, который разделяют участники форумов, следует признать отсылки к официальным правительственным документам, связанным с Арктикой, например к «Основам государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (2008 г., далее – Основы 2008)¹⁰, указу «О сухопутных территориях Арктической зоны РФ» (2014 г.)¹¹, «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (2013 г., далее – Стратегия 2013)¹² или к государственной программе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (2014 г., далее – Государственная программа 2014)¹³. Указанные документы не только задают перечень разрабатываемых на форумах тем – своеобразную иерархию проблем и вопросов, из которых формируется «арктическая повестка», но и предлагают спектр лексических средств и категорий, при помощи которых об этих проблемах говорят¹⁴.

Я сосредоточусь на анализе контекстов употребления трех категорий, принципиально важных для риторики нормативных документов и

наследующей ей риторики форумов: *уязвимость*, *безопасность* и *устойчивое развитие*.

Чаще всего категория *уязвимость* появляется в описаниях экологических проблем Арктики. Экосистемы АЗРФ, природа в целом описываются как особые, «уникальные», как по своему видовому составу, так и ввиду крайней «уязвимости», «хрупкости», незащищенности против технологического воздействия человека. Ср., например: «низкая устойчивость экологических систем <...> их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий», «сбережение *уникальных* экологических систем Арктики [как один из «национальных интересов РФ» – здесь и далее в квадратных скобках комментарии мои.– К.Г.]» (Основы 2008; Стратегия 2013); «необходимо разработать комплексную программу создания карт *уязвимости* прибрежной и морской зон арктических морей», «Природа Севера чрезвычайно своеобразна и *уязвима*» (Резолюция, проект 2014: 26 (37), 29 (42)); «сбережение *уникальных* экологических систем Арктики», «При освоении потенциала [АЗРФ] следует исходить из того, что помимо природных ресурсов его составляют люди, *уникальная* природа, экологические системы», «*хрупк[ая]* экосистем[а] Арктики», «Поскольку природные ресурсы и объекты Российской Арктики весьма *уязвимы*, то их правовая охрана должна быть повышенной» (Рекомендации 2014: 2, 11–13) и др. Суггестивное употребление выделенной лексики работает на создание образа региона как проблемной территории, нуждающейся в повышенном контроле.

Утверждаемая незащищенность Арктики требует от ответственных агентов (в нашем случае – правительства и тех, кто поддерживает его программы) действий по обеспечению *безопасности*. Сама лексема *безопасность* приобретает в рассматриваемом дискурсе специфическое значение, оттеняемая в большинстве контекстов категорией *развитие* и дополняемая определением *национальная*. Суть упомянутых нами «арктических» нормативных документов можно во многом свести к универсальной формулировке их задач (или ориентиров): «планирование устойчивого социально-экономического развития [АЗРФ] и обеспечение национальной безопасности [России]». *Безопасность* может специфицироваться как *экологическая* (например, включать в себя поддержание арктического биоразнообразия и мониторинг разливов нефти), *энергетическая* (например, обеспечиваться «*формированием резервного фонда месторождений [углеводородов в АЗРФ]*»), *военная* (например, подразумевать «*защиту и охрану государственной границы*»), *транспортная* (например, требовать развития инфраструктуры судоходства по Северному морскому пути), *комплексная* (быть одновременно «*защитой территорий, населения и критически важных объектов АЗРФ*»), *международная* (означать «*поддержание мира и стабильности*»), межгосударственное сотрудничество в Арктике) (Ос-

новы 2008; Стратегия 2013; Государственная программа 2014; Рекомендации 2014: 2, 12; Резолюция, проект 2014: 21 (32), 30 (44), 37 (52)). Как видно из приведенных цитат, объем категории не ограничивается словарным значением лексемы «отсутствие опасности, риска нежелательного воздействия, вреда»¹⁵ (как, например, в сочетаниях «военная», «международная безопасность»), но дополняется контекстуальными значениями «самодостаточность, самообеспечение, независимость от чужих ресурсов или решений» («энергетическая», «транспортная безопасность»), «стабильное позитивное состояние, отсутствие деградации» («экологическая безопасность»)¹⁶. Вкупе с наиболее частотным эпитетом «национальный» эта категория становится универсальным обозначением политических интересов государства: неважно, касаются ли они охраны природы или территориальных границ, – гарантия *безопасности* выступает дискурсивным эквивалентом гарантии выгодного для страны сценария событий.

Категории *безопасность* и *устойчивое развитие* содержат общую сему ‘стабильности’, ‘неизменно позитивного или улучшающегося состояния’ описываемого объекта (территории, сообщества, аспекта инфраструктуры) и часто соплагаются в текстах, становясь, таким образом, контекстуально синонимичными. Впрочем, суггестивное употребление категории *устойчивое развитие* способно привести к частичному «выветриванию» ее концептуального содержания: словосочетание начинает использоваться для обозначения общего вектора созидательной политики (стратегии) или прогресса (стабильности), декларируемых в документах или выступлениях. Функционирование категории, действительно отсылающее к триединому принципу *sustainable development*¹⁷, безусловно, также имеет место в документах форумов (например, «В процессе природопользования и освоения [АЗРФ] необходимо обеспечивать соблюдение принципа устойчивого развития на основе увязывания экономических задач с организацией рационального природопользования, защитой окружающей среды и социальным развитием» (Рекомендации 2014: 11)). Но чаще все же словосочетание *устойчивое развитие* не обозначает определенный принцип политики, а выступает основой или заглавием сложных концепций (например, концепции «самодостаточного города устойчивого развития»¹⁸) или употребляется просто как формула без конкретного содержания.

Тексты финальных документов форумов, равно как и доклады участников, избилуют словосочетаниями, включающими рассмотренные категории, причем избыточность в употреблении подобной лексики часто приводит к затуманиванию смысла сказанного. Например: «[В] целях обеспечения экологической и гигиенической безопасности в [АЗРФ] необходимо предусмотреть опережающее планирование мер по предупреждению негативного влияния на окружающую среду и здоро-

вье населения в связи с планированием опережающего развития транспортной, промышленной, энергетической, информационно-телекоммуникационной, сервисной и социальной инфраструктур в интересах устойчивого социально-экономического роста в [АЗРФ]» (Резолюция, проект 2014: 21 (32)).

Смысл представленной фразы можно свести к следующей простой оппозиции: всестороннее развитие АЗРФ требует планирования защиты природы и населения. В представленном тексте каждый из членов оппозиции выражен несколькими синонимичными способами: за экспликацию смысла «планирование защиты» отвечают словосочетания *обеспечение безопасности, опережающее планирование мер, предупреждение негативного влияния*, в то время как ключевая категория «устойчивое развитие» передается двумя словосочетаниями *планирование опережающего развития* и *устойчивый социально-экономический рост*, а также распространяется указаниями сфер, «типов» развития – транспортного, промышленного и т.д. (показательно, что категория *развитие* в данном случае может быть без потери смысла заменена на категорию *безопасность*, по отношению к которой регулярно применяются те же самые эпитеты). Избыточное использование всей этой этикетной лексики (равно как и недавно вошедшего в моду эпитета *опережающий*¹⁹) следует рассматривать как признак конвенционального языка форумов, молчаливо одобряемого вследствие его близости к языку нормативных документов.

Социальная тематика на форумах

Нельзя сказать, что социальным вопросам²⁰ уделяется большое внимание на форумах. Если и уделяется, то почти исключительно в рамках двух основных тем: *коренные народы Арктики* и *кадровый потенциал Арктики*. Другие, менее значимые темы: вопросы инфраструктурного, сервисного обеспечения населения Арктики; обзор демографических и миграционных тенденций в АЗРФ; проекты, связанные с арктическим туризмом; проектирование систем поиска и спасения на территории Арктики²¹; представление истории регионов как истории заселения северных земель.

Рассмотрим примеры обращения участников форумов к теме КМНС.

1. [Государственная политика РФ по социально-экономическому развитию Арктики, доклад А.В. Цыбульского]: «Начаты новые проекты по поддержке коренных народов, в т.ч. их традиционного образа жизни»; «В Программе заложены основополагающие принципы хозяйственного освоения Арктической зоны Российской Федерации <...> – предоставление людям, находящимся на территории Арктики, современных возможностей жизнеобеспечения и удовлетворения их основных социально-бытовых и культурных потребностей; – максимальное

сохранение и развитие возможности для традиционного проживания коренных малочисленных народов [АЗРФ]» (Сборник докладов, форум АСПОЛ: 6, 10).

2. «Говоря о сохранении экологической безопасности региона, нельзя не упомянуть и о сохранении тундры, которая, несмотря на век высоких технологий, продолжает оставаться “домом” для коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни. Сегодня коренные малочисленные народы составляют почти 20% общего числа жителей НАО. В нашем регионе сохранение традиционного образа жизни оленеводов является одним из приоритетов региональной политики. В эти дни в Нарьян-Маре открылась научно-практическая конференция “Устойчивое развитие оленеводства в Арктике. Традиции и инновации”» (37; доклад И.В. Кошина).

3. «Воркутинский район – территория исторического проживания коренных жителей тундры, оленеводов (коми, ненцев, ханты, манси, селькупов). Основным видом хозяйствования этих народов является оленеводство. Сохранение оленеводства как традиционного вида хозяйственной деятельности, образа жизни и самобытной культуры, языка коренных малочисленных народов Севера является одной из приоритетных задач развития Арктической зоны России» (41; доклад В.М. Гайзера)²².

4. «В настоящее время в 28-ми субъектах Российской Федерации компактно проживают **40 малочисленных народов Севера**. <...> Исторический опыт коренных малочисленных народов показывает, что традиционные формы природопользования способствуют сбережению для мировой цивилизации экологических систем» (47; доклад Г.М. Макаровой).

В резолюции форума АСПОЛ проблемы КМНС обсуждаются в двух разделах – «Развитие кадрового потенциала» АЗРФ (подробно см. ниже) и «Сохранение духовного и культурного наследия» (причем данный раздел состоит преимущественно из рекомендаций относительно управления культурными ресурсами КМНС).

5. [Инициатор предложений: РАНХиГС]: «рассмотреть возможность расширения возможностей целевой подготовки специалистов из числа коренных народов Севера по глубокой переработке продукции оленеводства на основе инновационных био- и нанотехнологий, что способствует диверсификации экономики Арктики и снижению безработицы среди коренных народов Севера» (Резолюция, проект 2014: 19 (28)).

В этих и других подобных цитатах можно выделить ряд характерных для обоих форумов моделей репрезентации арктического населения в целом и КМНС в частности. Во-первых, КМНС – это единственная социальная группа, о которой регулярно говорится отдельно: она имеет собственное обозначение («коренное население», «малочислен-

ные этнические общности» и т.д.) и выделяется из общих категорий «люди» / «население». Такое разделение настолько распространено, что одни и те же проблемы, касающиеся и всего арктического населения, и КМНС могут рассматриваться в соседних разделах докладов или презентаций, как, например, в цитате 1 (обязательства по жизнеобеспечению «людей, находящихся на территории Арктики» и «коренных малочисленных народов» по сути идентичны, но упомянуты дважды): докладчик предлагает отдельно решать проблемы «коренных», отдельно – улучшать социально-экономические условия жизни «населения». Специфицировать по тем или иным социальным параметрам вторую группу («все, кроме КМНС») сложно.

Ассоциация *Север – КМНС* является наследием советских дискурсов (от академического до управленческого), но продолжает определять политику Российской Федерации в отношении этнических групп, внесенных в законодательно закрепленный список КМНС. Риторическое основание для выделения современных КМНС из населения Арктики, опирающееся на трактовку данной категории граждан в законах, в полной мере представлено в докладах форумов: «коренным» неизменно приписываются «традиционный образ жизни», «самобытная культура», «традиционное природопользование» и «традиционная отрасль хозяйствования» – оленеводство (цитаты 2–4)²³. Вполне очевидно, что это «воображаемое традиционное»²⁴ требует особых механизмов охраны и контроля: «людям» Арктики обещают «современное жизнеобеспечение», «коренным народам» гарантируют «традиционное проживание» (цитата 1). Именно из этого вытекает, например, то, что под способами занятости КМНС понимается исключительно оленеводство: если сохранение образа жизни КМНС объявляется «приоритетом региона», то соответствующая конференция будет посвящена оленеводству (цитата 2). Если район объявляется «территорией исторического проживания» КМНС, то глава региона будет призывать к обеспечению самозанятости этого сегмента населения именно в «традиционной» отрасли, а в своей презентации показывать фотографии оленей или этнически маркированных предметов (цитата 3). Если принципиальный для арктической повестки вопрос «кадрового обеспечения» будет обсуждаться в отношении КМНС, то в качестве рекомендации докладчик выдвинет «целевую подготовку специалистов из числа [КМНС] по глубокой переработке продукции оленеводства» (цитата 5).

Иными словами, у «коренного населения» все – специфическое, «традиционное», требующее усиленной защиты государства: и культура (в том числе «этноархеологическое наследие»), и «исконная среда обитания» (Резолюция, проект 2014: 39 (54)), и даже потребности в области здравоохранения²⁵. Риторически и композиционно обсуждение проблем и перспектив КМНС в анализируемых текстах часто увязыва-

ется с формулировкой задач в области экологии и природопользования: разделы, посвященные этим темам, могут следовать друг за другом (обычно вначале упоминается экологическая безопасность или хрупкость экосистем, затем КМНС) (Сборник докладов: 10, 41; Рекомендации участников 2014: 12–13; Программа проведения 2014: 12–13 и др.) или сливаться, как в цитатах 2 и 4. Естественной «средой обитания», «домом» КМНС считается арктическая тундра – та самая экологически уязвимая природная зона, которая требует повышенной защиты со стороны государства. Благополучие тундры и ее обитателей риторически представляются как единая цель: «традиционные формы природопользования» сберегают биоразнообразие, а биоразнообразие обеспечивает жизнеспособность основной «традиционной» отрасли экономики КМНС – оленеводства. КМНС и его традиции – на уровне риторики – становятся частью охраняемого природного и культурного ландшафта²⁶.

Действия государства в отношении КМНС (равно как в отношении экологии) обозначаются как «поддержка», «сохранение», «[социально-экономическое] развитие», «мониторинг» и заключаются, по сути, в обеспечении контроля и обещании упоминавшейся выше *безопасности* (как основной функции государства). Люди, ведущие «традиционный образ жизни», рассматриваются исключительно как (уязвимый и требующий защиты) объект государственной политики и федерального права – что особенно активно обсуждалось в ходе Правового форума²⁷. Например, в секции «Человеческое измерение Арктики: общество и право» в качестве основных проблем обсуждались изменения закона о гарантиях прав КМНС, приведшие к «понижению охранительного статуса территорий традиционного природопользования», а также отсутствие прозрачного критерия выделения территорий традиционного природопользования и единой процедуры (пере)закрепления их статуса (В.А. Кряжков)²⁸. Среди способов преодоления «правовой стагнации» предлагались следующие: учет правовой культуры самих КМНС при разработке законов (И.Л. Набок, Н.И. Новикова), принятие закона об оценке воздействия на традиционное природопользование КМНС (Н.И. Новикова), ратификация международных конвенций по КМНС (Г.Н. Чеботарёв), доверенное регулярное сотрудничество с сообществами КМНС, узаконивание этнологической экспертизы, привлечение промышленных предприятий к социальной ответственности перед ними и т.д. Следует подчеркнуть, что и в дискурсе Правового форума «коренные жители» понимаются как объект наблюдения и контроля²⁹, несмотря на упоминания «гражданского общества» и «общественных объединений КМНС».

Так, в докладе Г.Н. Чеботарёва «государственный протекционизм на арктических территориях» репрезентируется как комфортный режим для КМНС, незаинтересованных в принятии важных решений, но лишь в получении прибыли. В качестве образца эффективного управления

делами КМНС описывается опыт Ямало-Ненецкого автономного округа, где действует целый спектр патерналистских программ, обеспечивающих государственную поддержку КМНС в жилищных, образовательных, медицинских и других вопросах (например, предоставление жилья оленеводам-пенсионерам, проект «кочевых школ», передвижные медицинские бригады и т.д.) (Г.Н. Чеботарёв).

Второй значимой социальной темой, представленной на обоих форумах, является «кадровое обеспечение» АЗРФ. Рассмотрим несколько примеров презентации этой темы в докладах участников:

1. «К [важным для региона как арктического субъекта вопросам] в первую очередь можно отнести подготовку кадров для реализации арктических проектов с учетом потребностей предприятий. У нас есть идея создания в регионе “Центра арктических компетенций”, то есть системы комплексной непрерывной профессиональной подготовки и переподготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена. Учебный процесс будет строиться на основе специализированных учебных программ для предприятий, уже работающих или готовых работать в арктических условиях. <...> Мы смотрим вперед и хотим, чтобы система “Школа – колледж – завод” стала реально работающим механизмом (Сборник докладов: 35; доклад А.М. Тюкавина).

2. «В Архангельске и Северодвинске сосредоточены все научные структуры и вузы региона. В области расположено 11 учреждений науки, в том числе РАН, НИИ лесного хозяйства и филиал Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии. <...> Северный (Арктический) федеральный университет, созданный в целях кадрового обеспечения деятельности в Арктике, осуществляет образовательную деятельность по 23 группам специальностей. База студенческих практик САФУ включает предприятия Северодвинска, нефтегазовые корпорации, транспортные компании, службы реагирования на чрезвычайные ситуации в Арктике» (39; доклад И.А. Орлова).

3. «Качество специалистов становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности экономики. <...> Должно быть обеспечено качественно новое развитие профессиональной переподготовки. При этом политика должна быть направлена на создание условий не для временных мигрантов, а для постоянного закрепления кадров на основе высокого качества жизни населения» (47; доклад Г.М. Макаровой).

По общему мнению, для современной ситуации в Арктике характерна нехватка квалифицированных работников на фоне растущих потребностей промышленных компаний. В то же время, как отмечают докладчики, в Арктической зоне расположено большое количество учебных заведений, охватывающих разные уровни профессионального образования, а также исследовательских учреждений и даже несколько

университетов, способных удовлетворять запросы всех потенциальных работодателей (цитата 2). Основной задачей, таким образом, является налаживание взаимодействия между поставщиком кадров (учебным заведением) и потребителем, заказчиком (компанией). Способствовать регулярному взаимодействию должны, с одной стороны, новые (модифицированные советские) образовательные форматы, вроде программ профессиональной переподготовки или системы «школа – колледж – завод» (цитата 1, 3), и четкое формулирование компаниями своих кадровых потребностей – с другой³⁰. Нехватке квалифицированных специалистов и проблеме «трудоемких» регионов России были посвящены отдельные выступления в рамках круглого стола «Кадровое обеспечение развития Арктических регионов России» (Сборник докладов).

В связи с необходимостью насыщения «арктического рынка труда» обсуждаются также международный опыт регулирования кадровой, трудовой и миграционной мобильности населения, использование «трудового потенциала» и контроль трудовой миграции в РФ³¹, демографические тенденции в регионах АЗРФ³². Большое внимание уделяется необходимости «стратегического» сотрудничества российских вузов с партнерами из других арктических государств, развитию академической мобильности, «профориентации молодежи в пользу нужд Арктического региона», а также созданию единой информационной базы – площадки для обмена «арктическими» новостями и осуществления рекрутинга (90–91, 88–90; доклады К.С. Зайкова, Г.В. Коршунова).

Наиболее акцентированной и эмоционально значимой задачей в этой сфере социального планирования оказывается формирование *постоянного* – риторически противопоставляемого *вахтовому* – населения Арктики: тех самых «кадров», т.е. молодежи, способной работать на постоянной основе (Резолюция, проект 2014: 14–21 (21–32)). Операции, которые докладчики призывают производить с этой категорией населения, обозначаются чаще всего как «привлечение», «удержание» и «закрепление». Показательно, что подобное новое заселение Арктики («массовую подготовку кадров», гарантирующую новую индустриализацию Севера³³) предлагается вести двумя путями: через обеспечение достойных социальных условий, «высокого качества жизни» в Арктике (цитата 3) и через заблаговременную профессиональную и идеологическую подготовку рабочей силы, через образовательные специализации, повышение символического статуса работы на Севере, гарантии трудоустройства. Примером второй стратегии может стать концепция «национального арктического научно-образовательного консорциума», представленная на форуме АСПОЛ ректором САФУ имени М.В. Ломоносова Е.В. Кудряшовой. В задачи консорциума, помимо подготовки «научно-производственных кадров» для полярных регионов РФ, входит «формирование единой национальной культурно-просветительской

стратегии и программы, направленной на популяризацию и повышение имиджа полярных профессий среди молодежи» (Резолюция, проект 2014: 14–15 (22); презентация Е.В. Кудряшовой).

Депопуляция Арктики многими участниками форумов воспринимается либо как свершившееся событие – как положение, которое теперь необходимо исправлять, либо как будущий итог, к которому неизбежно приведет массовое привлечение (исключительно) вахтовых рабочих³⁴. Одним из возможных механизмов борьбы с сокращением численности населения эксперты форумов считают «повышение качества жизни» – редко раскрывая, впрочем, значение этой формулы. Безусловно, формулировка подразумевает улучшение социальной сферы, инфраструктуры и транспортной сети, медицины и образования. Но даже когда все эти компоненты перечисляются в докладе, конкретные шаги, проекты или программы не просматриваются, в то время как о технических инновациях и ресурсных разработках в АЗРФ говорится конкретно, «с именами». Исключением, пожалуй, являлся доклад представителя Республики Саха (Якутия) Г.М. Макаровой, раскрывающий объем ключевых категорий «комфортное проживание» или «достойный уровень жизни» через перечисление недавних изменений в инфраструктуре, энергетике или социальных гарантиях региона:

«Необходимо разработать конкретные механизмы по привлечению и закреплению специалистов. Это и подъемные, оплата проезда, обеспечение комфортным жильем, социальные гарантии, достойная оплата труда, компенсирующая дискомфортные условия проживания»; «Мы планируем внедрять [инновации] как в строительстве, используя передовые методы возведения домов из новейших материалов, так и в медицине, применяя последние разработки в диагностировании и телемедицину для поддержания здоровья населения. <...> В республике начато использование возобновляемых источников энергии – это строительство ветроэлектрических установок и солнечных электростанций. <...> Внедрение новых технологий в Арктике – это жизненно необходимый процесс, направленный на создание комфортных условий жизни населения» (Сборник докладов: 46–47; доклад Г.М. Макаровой)³⁵.

Если не принимать в расчет КМНС и «разовых» посетителей (например, туристов), люди в Арктике, как утверждают анализируемые тексты, нужны для того, чтобы *работать*. И микроанализ дискурсивных стратегий докладчиков, и макроанализ повестки форумов демонстрируют, что в фокусе интересов находится развитие «ресурсного», «транспортного» и других экономических или политических потенциалов Арктической зоны. Люди же в большинстве случаев рассматриваются как опорная составляющая – такая, которая своим трудом сделает это развитие возможным. Подобное восприятие точно отражено в формуле «“запас” человеческого капитала в Арктике»: приехавшие в АЗРФ

люди становятся «капиталом» после получения образования «не как стандартизированного товара, а как специфичного ресурса, который адаптирован к условиям конкретной местности», *заточен* под нужды хозяйствующих на ее территории субъектов (Сборник докладов; презентация А.В. Котова). Формирование «специальных компетенций», направленных на решение «практических ситуаций», преследует не обеспечение благосостояния людей, но подготовку эффективных управляющих кадров, способных вкладываться в развитие региона («управлять развитием территории в экстремальных условиях») (Сборник докладов; презентация В.И. Смorchковой).

«Управление развитием» – единственное проявление *агентности*, положенное людям в Арктике: во всем остальном они остаются объектом управления, опеки и гарантий со стороны реально действующих и принимающих решения субъектов – государства и крупного бизнеса (промышленности). Именно поэтому не механизмы формирования гражданского общества (как бы мы его ни понимали) рассматриваются как залог процветания региона³⁶, но создание единого управляющего государственного органа, одним из итогов работы которого была бы «концентрация внимания органов власти на проблеме человека, проживающего в тяжелейших природно-климатических условиях Арктики». Неважно, насколько персонализированную категорию употребляет докладчик для обозначения функции государства – «постоянная забота государства о жителях» или «адаптация к последствиям изменений» (Сборник докладов: 44–45; доклад Г.М. Макаровой) – важно, что риторически люди последовательно представляются как *объект* политики всеобщего благоденствия.

Показательным исключением из правила, описанного выше, является фрагмент Резолюции Правового форума, настаивающий на введении спектра механизмов самоуправления на арктических территориях: например, через активное участие *всех* граждан в управлении публичными делами региона или через проведение публичных слушаний по всем проектам хозяйственной деятельности³⁷. Другим знаковым трендом курса на децентрализацию становится идея «социально ответственного бизнеса», принимающего на себя часть социальных (патерналистских) обязательств государства – либо в рамках собственных социальных программ, либо в режиме проектов государственно-частного партнёрства (Рекомендации участников 2014: 7–8; Сборник докладов: 44, доклад Г.М. Макаровой).

Существуют в повестках форумов и относительно маргинальные социальные темы. Так, активно обсуждается управление потоками «внешних» людей, никак не связанных с трудовой миграцией – *туристами*. Туризм рассматривается как одна из перспективных отраслей экономики Арктической зоны и одновременно один из легитимных по-

водов модернизации транспортной или социальной инфраструктуры (например, сферы услуг). Об «арктическом туризме» упоминают представители республик Саха (Якутия) и Коми, Архангельской и, особенно активно, Мурманской областей (Сборник докладов: 34, 47, 55–56, доклады М.В. Ковтун, Г.М. Макаровой, А.М. Тюкавина; Программа проведения 2014: 12–13). Активнее всего популяризируются туристические программы, сфокусированные на потреблении «уникальной» арктической природы: экологический туризм (посещение особо охраняемых природных территорий или национальных парков; круизные программы, например мурманский проект «Арктическая гавань»), спортивный туризм (горнолыжный, пешеходный, водный и т.д.). Менее популярными, но все же важными оказываются программы, предлагающие культурные, исторические и этнические товары АЗРФ: «культурно-познавательный туризм, событийный (фольклорные, спортивные праздники), этнокультурный (язык, традиции и культура этнических народностей)» (Сборник докладов; презентация В.М. Гайзера). История заселения (освоения) северных земель также легко конвертируется в туристический продукт: например, Архангельская область репрезентируется как «пространство наиболее раннего расселения славян в европейской части» АЗРФ, «первый центр государственного морского судостроения страны», территория «многовекового проживания коренного русского населения», которому принадлежит заслуга «первых походов через северные моря» и обживания Сибири (Сборник докладов: 37–39; доклад И.А. Орлова). Таким образом утверждается символическое право области на статус первой арктической территории, по отношению к которой преемственно современное государство³⁸.

За 2015 г. произошел ряд изменений в управлении Арктикой и ее населением – из наиболее значимых отмечу создание Государственной комиссии по вопросам развития Арктики под руководством заместителя председателя Правительства Д.О. Рогозина (Указ Президента РФ № 50 от 3 февраля 2015 г.³⁹; далее ГК) и передачу полномочий Министерства культуры в области защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов России Федеральному агентству по делам национальностей под руководством И.В. Барина (Указ Президента РФ № 168 от 31 марта 2015 года⁴⁰; далее ФАДН). Институциональные изменения, впрочем, принципиально не повлияли на дискурсивное поле очередного форума АСПОЛ (хотя выступающие и перестали настаивать на создании единого контролирующего арктическую повестку государственного органа). Программа форума воспроизводила схему 2014 г.; основные категории участников, презентационные площадки и рабочие сессии также повторялись. Впрочем, количество докладчиков значительно возросло – в 2015 г. число секций вдвое превышало состав предыдущего форума. Приоритеты недавно образованных

государственных институций демонстрируют преемственность по отношению к дискурсу форумов 2014 г.: основной задачей ФАДН были названы создание реестра КМНС и выработка четких критериев занесения этнических групп в новый реестр (Сборник докладов; доклад И.В. Баринаова); руководитель ГК, хоть и поставил в иерархии приоритетов развития АЗРФ «людей» (вопросы «человеческого капитала в Арктике») на первое место, основное внимание в своем докладе уделил приоритетам безопасности, мобильности и транспортной доступности, добыче ресурсов и вопросам государственно-частного партнерства (Сборник докладов; доклад Д.О. Рогозина).

В дискурсивном облике «коренных народов» принципиальных изменений не произошло: эту категорию по-прежнему составляют уязвимые носители уникальных знаний о регионе, представители традиционных промыслов и отраслей хозяйствования, требующие особых целевых программ и средств институционального контроля (Сборник докладов; доклад И.В. Баринаова)⁴¹. В то же время в 2015 г., помимо сессий, посвященных подготовке кадров и задачам высшей школы в АЗРФ, были организованы сессии, посвященные прочим социальным темам: «Совершенствование медицины и здравоохранения в российской Арктике», «Развитие туризма и культурное наследие в Арктике», «Комплексная безопасность населения АЗРФ» и др. (Программа 2015: 10–11, 14). Помимо увеличения внимания к социальным темам в целом, следует отметить особую сфокусированность ряда докладчиков на проектах привлечения и удержания *молодежи* в АЗРФ, способах формирования у учащихся «арктических компетенций», создании молодежных профессиональных сетей и сообществ. Подобный «молодежный» поворот следует рассматривать как закономерное развитие описанных мною трендов управления «кадровым потенциалом» Арктики (Сборник докладов; доклады Д.В. Ливанова, С.В. Поспелова, Н.В. Чичериной, Н.М. Куприкова и др.).

Социальный портрет Арктики, сложившийся на форумах, определяется двумя противопоставленными группами населения: «коренными народами» и «трудовыми ресурсами». Функционирование этих категорий прослеживается и в выступлениях отдельных докладчиков, и в общей композиции (программе) форумов. «Коренные» последовательно выделяются в особую группу, требующую (вследствие малочисленности и уязвимости) особой работы государства, системы социальных преференций и специальных программ. Вторая группа – «кадровый потенциал» АЗРФ – должна стать арктическим «легионом труда»⁴², обеспечивающим функционирование и развитие промышленности, транспорта, моногородов или зон освоения шельфа. Первые отвечают за экзотику, «неповторимую атмосферу» (Сборник докладов; доклад А.Л. Логинова), традиционность промыслов и образа жизни, которые

синонимичны исторической преемственности и *устойчивому развитию* территорий. Вторые отвечают за основную форму присутствия государства в Арктике: ее ресурсное освоение. Обе роли функциональны и практически полностью покрывают социальную составляющую дискурса форумов: «[Н]а нашем Севере так же, как и во всех субъектах федерации, функционируют коренные народы Севера, их более шестнадцать тысяч. И мы рядом добываем двадцать миллионов тонн нефти, производим там весь никель, платину, медь, золото. И тут же занимаемся оленеводством, добычей рыбы и другими национальными промыслами» (Сборник докладов; доклад В.А. Толоконского)⁴³.

Универсальным дискурсивным контекстом представления социальных проектов и инициатив в АЗРФ становится описание условий жизни и работы как дискомфортных и экстремальных, требующих специальной (профессиональной) подготовки населения и особой заботы (контроля) со стороны государства. Постоянное население Арктики репрезентируется как *объект* управления – пассивный или зависимый. Особенно очевидно это в случае с «коренными народами», которые рассматриваются как проблема, требующая решения (на тех же правах, что и экология, «хрупкая» природная среда), а не как ресурс для выполнения каких-либо задач. Очень точно резюмирует все описанное мною определение Арктики как «своеобразн[ого] холодильник[а] всего человечества, где человечество складывает все, что ему необходимо... на завтрашний день» (Сборник докладов; доклад Д.О. Рогозина). Основной характеристикой региона является его «ресурсоёмкость», что отражается на глобальном уровне приоритетов форумов: обсуждение социальных проблем неизменно уступает в важности темам промышленного освоения. Показательно, что российский взгляд в данном случае коррелирует с представлениями (*imaginaries*) об Арктике как о «ресурсном фронтире», «terra nullius» и территории, требующей особых механизмов управления, характерными для международного сообщества экспертов (Steinberg, Tasch and Gerhardt 2015).

Примечания

¹ Контексты употребления лексемы «Арктика» и ее дериватов («Арктическая зона РФ», «Арктический регион / макрорегион», «Российская Арктика» и др.) в рамках описываемых форумов соответствуют, преимущественно, указу «О сухопутных территориях Арктической зоны РФ» (2014 г.), прямо определяющему объем понятия «Арктика» – географические границы региона с точки зрения российского законодательства. *Преимущественно* – поскольку установленные границы, так или иначе, на уровне дискурса переопределяются в ходе форума не только посредством прямой проблематизации (например, напоминания о том, что шельфовая граница РФ до сих не установлена), но и фактом присутствия на форумах заинтересованных представителей неарктических регионов.

² Далее ноябрьское мероприятие я буду обозначать как «Правовой форум» (в соответствии с ключевой темой повестки), а декабрьское – как «Форум АСПОЛ» (делая, таким

образом, акцент на ответственной за концепцию форума «Ассоциации полярников»). Официальный сайт АСПОЛ находится в разработке <http://aspolf.ru/>; впрочем, работа ассоциации и контролируемых ею общественных комиссий подробно описана А.Н. Чилингаровым в (Сборник докладов, форум АСПОЛ: 3–4). Официальный сайт форума АСПОЛ: <http://www.forumarctic.com/conf2015>. Отчеты о форуме АСПОЛ см., например: <http://pro-arctic.ru/18/12/2014/gamers/12882> (Лукин 2015); отчеты организаторов Правового форума: <http://www.izak.ru/news.html?id=707>, <http://www.r89.ru/novosti/8448.php>. См. также проекты документов Правового форума, размещенные в сети: http://narfu.ru/upload/medialibrary/af2/ark-forum-spb-12_15-noyabr-2014.pdf (проект программы, обзор тематики круглых столов), http://msal.ru/common/upload/Projekt_Programmy_Forama.pdf (проект программного буклета). Некоторые анализируемые документы не опубликованы (в Интернете или печатных изданиях) и цитируются по моим личным материалам. Я не участвовала в форумах в качестве выступающего, оставаясь таким образом на позиции наблюдателя, не включенного в событие: такая позиция в полной мере отвечала задаче анализа официального дискурса об Арктике, артикулируемого в публичном пространстве.

³ Словосочетание «арктическая повестка» является эмной категорией (заимствуется из анализируемого дискурса), обозначающей комплекс вопросов и проблем, связанных с российской Арктикой и имеющих значение для данного субъекта (например, региона) или в рамках данного мероприятия (например, форума). Например: «По инициативе Ассоциации [АСПОЛ] при правительствах субъектов РФ создаются полярные комиссии как экспертно-консультационные органы, которые способствуют развитию арктической повестки регионов, подчеркивают их роль в цепочках производства продукта, необходимого для Арктики» (Резолюция, проект 2014: 1 (5)). Здесь и далее я цитирую Резолюцию форума по проектному документу, разосланному участникам вскоре после проведения форума; в скобках указаны страницы окончательной версии Резолюции, претерпевшей не содержательную, но стилистическую редакцию, а также дополненной рядом формальных ссылок (например, в качестве адреса рекомендаций в большинстве случаев стала указываться Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, которая на момент проведения Форума еще не была сформирована).

⁴ Исследование *репрезентаций* Арктики во властных дискурсах заинтересованных государств предпринимается в работе (Steinberg, Tasch, Gerhardt 2015), посвященной описанию *imaginaries* – основополагающих мифологем об Арктике, формирующих восприятие настоящего и будущего региона («Imaginaries are... foundational myths that provide a framework and reference for everyday life and for future ambitions») (xii, 6). За указание на эту работу я искренне благодарю анонимного рецензента.

⁵ Под *дискурсом* я вслед за Тойном ван Дейком понимаю совокупность вербальных текстов (в рассматриваемом случае – письменных и устных выступлений, презентаций и элементов спонтанного коммуникативного взаимодействия), а также комплекс неязыковых явлений (например, культурные практики), отражающих стереотипное представление о *ситуации* – фрагменте социальной реальности или контексте коммуникативного события (van Dijk 1997). Анализ дискурса обычно заключается в последовательной деконструкции уровней дискурса (языковых структур, макротекстовой организации), выделении и интерпретации конститутивных элементов дискурса, например ключевых слов и понятий, дискурсивных стратегий, используемых для достижения определенных коммуникативных задач, а также *эмных* категорий коммуникантов (способов интерпретации и квалификации определенных фрагментов социальной реальности) (Schiffrin 1994: 415–417; van Dijk 1997: 29–31).

⁶ Список участников форума АСПОЛ 2014: <http://www.forumarctic.com/conf2015/visitors/the-forum-2014/SpisokArc2014.pdf>.

⁷ В данном случае под *воображаемыми границами* понимаются представления об арктическом регионе, закрепленные законодательно и циркулирующие в дискурсе о рос-

сийской Арктике; во втором случае в качестве *арктических* могут восприниматься территории Севера и Сибири, не включенные в АЗРФ.

⁸ Список участников выставки в рамках форума АСПОЛ 2014 см.: <http://www.forumarctic.com/conf2015/exposition/exhibitors-2014>.

⁹ Подобный вполне легитимный способ самопрезентации на уровне итоговых документов форума (резолюций и рекомендаций правительству) нередко выливался в саморекламу и попытки добиться поддержки центра при помощи риторических отсылок к текущей политической ситуации в стране: например, наиболее распространенной стратегией лоббирования собственного продукта стало упоминание необходимости «импортозамещения» в условиях «технологических и финансовых санкций» (Резолюция, проект 2014: 30–36 (44–51)). Попытки добиться «рекомендаций» от правительства, как кажется, следует рассматривать как еще одно проявление тенденции к централизации управления арктической зоной и инфраструктурой. Особенно показательны в этом отношении попытки изменить текущую ситуацию в собственном регионе, используя форум как площадку для риторического манипулирования, например: «Правительству РФ <...> рассмотреть возможность законодательно обязать рыбодобывающие компании, осваивающие российскую квоту в северных морях, доставлять определенную часть выловленной рыбы на береговые рыбоперерабатывающие предприятия для дальнейшей переработки. Инициатор предложения: Правительство Мурманской области» (9 (15)).

¹⁰ Полный текст документа см.: <http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html>.

¹¹ Полный текст документа см.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/ukaz_296.pdf.

¹² Полный текст документа см.: <http://government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf>.

¹³ Полный текст документа см.: <http://government.ru/media/files/AtEYgOHutVc.pdf>.

¹⁴ Названия секций форумов достаточно последовательно повторяют пункты «Стратегии» и «Основ». Более того, цель работы ассоциации АСПОЛ и организованного ею форума также формулируется со ссылками на упомянутые мною документы: «Основной задачей Ассоциации полярников является содействие реализации государственной политики по развитию арктической зоны Российской Федерации через продвижение в общество Национальной арктической идеи, которая заключается в том, что будущее России как великой, передовой и высокоразвитой державы неразрывно связано с освоением ее Арктической зоны. Она определена в утвержденных Президентом РФ [Основах] и [Стратегии]. <...> МОО «Ассоциация полярников» формирует инструменты, задачей которых является доведение Национальной арктической идеи до каждого региона, компании, общественной организации, человека» (Резолюция, проект 2014: 1 (5)).

¹⁵ Ср. *безопасность* – «свойство и состояние по значению прилагательного *безопасный*»; *безопасный* – «не грозящий опасностью, не являющийся опасным», с оттенком значения «не причиняющий вред, безвредный» (Большой академический словарь 2004: 491–492).

¹⁶ Ср. *национальная безопасность* (как юридический термин) – «внутреннее состояние и международное положение страны, надежно обеспечивающие ее свободу, независимость, целостность, национальные интересы и исключающие угрозу внутренней дестабилизации и внешнего нападения» (Комментарий к федеральному закону 2009: 156–157).

¹⁷ Понятие *устойчивое развитие* (*sustainable development*) обозначает такой процесс экономических, экологических, социальных изменений, связанных с эксплуатацией ресурсов, научно-техническим развитием, политическими и институциональными трансформациями обществ, при котором *укрепляется* существующий природный потенциал и *гарантируются* улучшения качества жизни людей, удовлетворение их потребностей. Концепция ведет свою историю от заседания Комиссии Брундтланд в 1983 г. и, чаще всего, настаивает на трех «стабильных», «долгосрочных», «сбалансированных» (все эти определения в совокупности более точно передают смысл прилагательного *sustainable*) измерений развития – экологическом, экономическом и социаль-

ном (об истории комиссии см., например: Borowy 2014). На наш взгляд, концепцию следует рассматривать исключительно как имеющую силу и смысл политическую риторику, научный подход к которой требует дискурсивного демонтажа, а не объективации. Опыты деконструкции категории предлагаются разные: например, прагматическая критика концепции (Корпина 2013) или деконструкция в духе археологии идеи (Harlow, Golub, Allen 2013), анализироваться может дискурсивное бытование концепции на синхронном уровне (Springett 2013) и мн. др. В разных странах выпускается несколько журналов, посвященных *sustainable development*.

В России концепция устойчивого развития появилась в 1990-е гг., что отражено в Указе Президента РФ № 236 от 4.02.1994 г. «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», а также в «Основных положениях стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» и далее в Указе президента РФ № 440 от 1.04.1996 г. «О концепции перехода РФ к устойчивому развитию» и в самой «Концепции перехода...». За указание на этот документ я искренне благодарю анонимного рецензента. О специфике восприятия концепции на российской почве, преемственности ее по отношению к советским моделям планирования и о декларативном характере реализации концепции см. (Oldfield 2003).

¹⁸ Этот проект, сфокусированный на стратегиях развития Воркуты, был предложен на форуме АСПОЛ главой Республики Коми В.М. Гайзером. Среди компонентов развития выделялись: «формирование базовых городов, способных к самообеспечению за счет эффективного сочетания мест постоянного проживания, промышленных узлов и современной инфраструктуры», совместное неистощимое природопользование, развитие существующей индустриальной градообразующей основы, повышение качества и доступности социальных услуг, привлечение молодежи и др.» (Сборник докладов, форум АСПОЛ: 40–42; презентация В.М. Гайзера).

¹⁹ Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» был принят 29 декабря 2014 г., но активно упоминался уже на описываемых форумах. См.: <http://www.rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html>.

²⁰ Следует оговориться, что «социальное» в данном случае я понимаю достаточно узко – как связанное непосредственно с людьми, живущими или временно находящимися в Арктическом регионе. Например, связь демографической статистики с социальными вопросами мы рассматриваем как непосредственно, а вопросы освоения шельфовых углеводородов – как опосредованно релевантные для социальной повестки.

²¹ Например: (Сборник докладов: 18; 76–79, доклад С.В. Маркова и О.Я. Борха).

²² Презентация к докладу содержала большое количество фотографий представителей КМНС, их оленей, этнических костюмов и средств передвижения. Задачи «развития традиционных отраслей хозяйствования, обеспечивающих укрепление занятости и самозанятости [КМНС]» включали следующие пункты: обновление основных средств оленеводческих хозяйств, обеспечение сохранности оленьих пастбищ, содействие кадровому обеспечению оленеводческих хозяйств (Презентация В.М. Гайзера).

²³ Несмотря на то что словосочетание «коренные народы» появилось в правовой сфере РФ лишь в 1990-е гг., сама категория формировалась в советской национальной политике с 1920-х гг.: основанием для выделения этнических групп и выработки особого режима управления ими служила не только их малочисленность, но и критерии образа жизни (например, кочевание), форм занятости (натуральное хозяйство), проживания на «традиционной территории». По мнению С.В. Соколовского, в современном российском законодательстве эклектично сочетаются советская «интеграционная» (модернизационная, патерналистская) политика в отношении КМНС и западная «риторика деколонизации», помещающая изолирующий критерий «традиционного образа жизни» в основу обособления современных коренных народов (Соколовский 2008: 72–73, 69; подробно о наиболее ранних советских списках «малых народов» севера см. (Funk 2009). О популярности мифологемы *север* как «*a no-man's land where aboriginal people live*» в публичном дискурсе и академической практике см. (Vakhtin 2012). На данном

этапе ассоциация *север – коренные жители* последовательно воспроизводится и в правоприменительной практике западных государств, предоставляющих преференции для проживающих на их северных территориях «first nations» / «indigenous peoples» (в соответствии с собственным законодательством, международными конвенциями или директивой Всемирного банка).

²⁴ *Воображаемое* – не в значении «не существующее, нереальное», но такое, объем которого определяется стереотипными представлениями или не требует раскрытия (не раскрывается), о котором говорят как о само собой разумеющемся.

²⁵ Например, среди приоритетных направлений деятельности Северного государственного медицинского университета (г. Архангельск) указывались «исследования в области полярной медицины и здоровья коренного населения» (Сборник докладов: 39; доклад И.А. Орлова).

²⁶ Именно поэтому «мониторинг состояния археологического и этноархеологического наследия» КМНС (Резолюция, проект 2014: 39 (54)) поручается, в том числе, Министерству природных ресурсов и экологии РФ, именно поэтому губернатор Архангельской области характеризует ресурсы своего региона, увязывая экологию, культуру и коренное население: «Это и единственные в Европе ненарушенные северотаежные леса, и обширные водно-болотные угодья, разнообразная арктическая фауна; конечно, это Соловки, уникальные ландшафты и храмовые комплексы, объекты деревянного зодчества, традиционный уклад жизни коренного населения сел русского Поморья. На арктических территориях Архангельской области находятся три национальных парка» (Сборник докладов: 39).

²⁷ Несмотря на то что программа форума анонсировала обсуждение «законодательства о северных народах в контексте российской политики в Арктике, а в контексте формирования гражданского общества – сравнительно-правовой анализ общественных объединений коренных народов арктических государств» (Программа проведения 2014: 6), внимание докладчиков фокусировалось почти исключительно на проблемах правового сопровождения жизни КМНС России.

²⁸ Здесь и в аналогичных случаях мы опираемся на конспекты докладов участников форума, прозвучавших 13.11.2014 г.

²⁹ Ср., например, формулировки вопросов для обсуждения на секциях форума: «Правовые проблемы реализации норм в сфере защиты коренных малочисленных народов», «Северное оленеводство. Этносохраняющие и правовые аспекты», «Сохранение среды обитания коренных малочисленных народов», «Международно-правовая защита коренного населения Арктики» (Программа проведения 2014: 6, 13, 16).

³⁰ Представители регионов демонстрировали свою заинтересованность в получении от компаний конкретных запросов на «кадры» (и даже проведения «мониторинга» потребностей предприятий). Например, Правительство Омской области выступило с предложением создать в Сибирском федеральном округе «Совет по деловому сотрудничеству в Арктике»: «Предполагается, что Совет будет вести работу по формированию банка потребностей компаний-заказчиков и банка возможностей предприятий-производителей, объединять стороны и координировать их действия» (Резолюция, проект 2014: 6 (10)). В свою очередь одной из стратегий формирования имиджа компании ее представителями становится акцентирование вклада в развитие кадрового потенциала в регионе присутствия; см., например, отчет о выступлении на Правовом форуме Д. Михайлова, представителя компании «Норильский никель»: <http://www.nornik.ru/press-czentr/novosti-i-press-reliziy/novosti/nornikel-vyistupil-s-inicziativami-po-razvitiyu-rossijskoj-arktiki-na-mezhdunarodnom-arkticheskom-pravovom-forume>.

³¹ Например: «Основная проблема регулирования трудовой миграции в РФ в том, что большую часть иммигрантов привлекают наиболее динамично развивающиеся и успешные регионы – ХМАО, Московский регион, Краснодарский край, Новосибирская область и т.д., а потребность в притоке мигрантов имеют регионы с устойчивой естественной и миграционной убылью, большая часть миграционно непривлекательных

северных регионов. <...> Северные регионы России по примеру северных стран могут разрабатывать свои и межрегиональные программы, включающие... вопросы поддержки образовательной политики, политики в сфере малого и среднего предпринимательства, развитие сферы занятости и рынка труда» (Сборник докладов: 87; доклад О.Б. Хоревой; Рекомендации участников 2014: 6–7).

³² Отток населения воспринимается как серьезная негативная характеристика ситуации в регионе; стабильность населения, в особенности молодежи, наоборот, оценивается положительно и выделяется риторически: «В области существенно более низкие, чем в других арктических регионах, темпы оттока населения. Демографическая ситуация имеет проблемы, но подавляющая часть молодежи, связывает свое будущее с Архангельским Севером» (Сборник докладов: 38; доклад И.А. Орлова).

³³ (Конспект доклада С.Д. Валентя, 13.11.2015; Правовой форум).

³⁴ Ср. «Освоить Арктический Север исключительно вахтовым методом не получится. Нужна сеть современных городов, которые станут кадровыми, технологическими и сервисными центрами освоения арктических территорий» (Сборник докладов; презентация В.В. Лещенко). О невозможности сохранить «нашу Арктику» при помощи вахтовых рабочих рассуждали в своих докладах на Правовом форуме В.И. Лафитский и И.Л. Шпектор. Потребность в заселении Арктики ощущается настолько остро, что даже на фоне общей для современной России мигрантофобии высказываются предложения о разработке программ «адаптации и интеграции внутренних и внешних мигрантов в арктических регионах РФ» (Резолюция, проект 2014: 19 (28)).

³⁵ Более того, в докладе представлено сравнение показателей «уровней жизни населения» АЗРФ (плотность населения, площадь, жилье, естественный прирост, прожиточный минимум и т.д.) и отношение показателей арктических районов Якутии и их экономики к показателям по всему региону (презентация Г.М. Макаровой). Отдельного внимания заслуживает также региональная программа «Человек в Арктике», чьей главной целью стала «выработка надежного механизма мониторинга и оценки качества жизни» населения Якутии (Сборник докладов: 47).

³⁶ Впрочем, в некоторых презентациях формирование «гражданского общества» или его элементов рассматривалось как один из инструментов продвижения федеральной «арктической повестки» в регионах: например, комиссии АСПОЛ призваны стимулировать «общественную инициативу» для совместной работы по направлениям «Духовное, культурное и природное наследие», «Работа с ветеранами», «Социальные проекты и работа с молодежью» и др. (Сборник докладов; презентация «Национальная арктическая идея» Наумовой).

³⁷ «Демократические институты должны обеспечить постоянную связь органов власти и общества при принятии управленческих решений, активное участие граждан в реализации целей “арктической политики”. С учетом малочисленности населения арктической зоны... требуется разработка стратегии законодательного регулирования участия граждан в управлении публичными делами на арктических территориях. <...> Представители коренных малочисленных народов должны рассматриваться не как объект постоянной опеки со стороны государства, а как полноценные участники процессов устойчивого развития российской Арктики»; «Целесообразно рекомендовать в [АЗРФ] провести эксперимент по восстановлению муниципального экологического контроля, обязательной государственной экологической экспертизы, общественных слушаний всех проектов хозяйственной деятельности» (Рекомендации участников 2014: 6–7, 14). Подчеркну, что это лишь случай риторического сдвига в одном из документов форума; впрочем, сдвига важного.

³⁸ Замечу, что определение *коренное* в презентациях Архангельской области выступает в связке с категорией *население* и этнонимом *русское* (ср. цитату в сноске 24: «уклад жизни коренного населения сел русского Поморья»). Формулировка отсылает к наиболее частотному контексту употребления лексемы *коренной* (КМНС) и, таким образом, к представлению об «автохтонности» и особых правах (в данном случае) *русского* насе-

ления на территорию – исконные земли России и государствообразующей этнической группы в Арктике. Об «амбициях регионов и выработке конкурентных статусов в арктическом пространстве», о дискурсивном конструировании экономических и стратегических репутаций, а также о борьбе за звание «столицы», «ворот», «форпоста» Арктики (или Северного морского пути) см. (Назукина 2013). За указание на эту работу я благодарю Валерию Васильеву.

³⁹ О Государственной комиссии см.: <http://government.ru/department/308/events>.

⁴⁰ О Федеральном агентстве см.: <http://fadn.gov.ru>.

⁴¹ Отдельная секция, посвященная проблемам КМНС, в 2015 г. носила название «Устойчивое развитие коренных народов Арктики: традиции и современность» (Программа 2015: 15–16).

⁴² Здесь я использую метафору из стихотворения Владимира Кириллова «Мы».

⁴³ Подобное разделение арктического населения на две группы прослеживается и в докладе председателя общественной комиссии АСПОЛ по направлению «Социальные проекты» А.Л. Логинова. Первая группа описывается им как «Коренные народы – это люди, которые живут веками на Крайнем Севере и занимаются там своими промыслами, оленеводство, какие-то такие вещи. Они очень немногочисленные, и тот продукт, который они вырабатывают, очень тоже незначителен в экономике страны, но они крайне важны, потому что это принадлежность этой земли. Они создают вот эту неповторимую, в частности, атмосферу в Арктике, в которую мы приходим работать, заниматься наукой и новыми технологиями»; вторую группу составляют «уважаемые коллеги из “Роснефти”, которые не уйдут с шельфа никогда», а также представители многочисленных других добывающих, перерабатывающих, транспортных компаний (Сборник докладов; доклад А.Л. Логинова).

Литература

- Большой академический словарь русского языка*: В 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004. Т. 1.
- Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации»*. Ч. 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка). Кн. 1: А–М / Под общ. ред. Г.Н. Складчиковой, Е.Ю. Ваулиной. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.
- Лукин Ю.Ф.* Арктика: настоящее и будущее // *Арктика и Север*. 2015. № 18. С. 173–177.
- Назукина М.В.* Основные тренды позиционирования регионов российской Арктики // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 59–68.
- Соколовский С.В.* Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 59–76.
- Funk D.* In search of a «Roster of 26 smaller peoples of the North» of Russia // *Passageways. From Hungarian Ethnography to European Ethnology and Sociocultural Anthropology* / G. Vargyas (ed.). Budapest: L'Harmattan, 2009. P. 315–329.
- Harlow J., Golub A., Allen B.* A Review of Utopian Themes in Sustainable Development Discourse // *Sustainable Development*. 2013 (2011). Vol. 21 (4). P. 270–280.
- Kopnina H.* Schooling the World: Exploring the critical course on sustainable development through an anthropological lens // *International Journal of Educational Research*. 2013. Vol. 62. P. 220–228.
- Oldfield J.D.* Russia, Systemic Transformation and the Concept of Sustainable Development // *Environmental Politics*. 2003. Vol. 10 (3). P. 94–110.
- Springett D.* Critical Perspectives on Sustainable Development // *Sustainable Development*. 2013. Vol. 21. P. 73–82.

- Steinberg P.E., Tasch J., Gerhardt H.* Contesting the Arctic: Politics and Imaginaries in the Circumpolar North. London; New York: I.B. Tauris, 2015.
- Vakhtin N.* European University at St. Petersburg. New Program on Arctic / Siberian Studies // *Sibirica*. 2012. Vol. 11, no. 3. P. 56–70.
- van Dijk T.A.* The Study of Discourse // *Discourse as Structure and Process* / T.A. van Dijk (ed.). Vol. 1: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London, 1997. P. 1–34.
- Schiffirin D.* Approaches to Discourse. Cambridge, MA & Oxford, 1994.
- Borovy I.* Defining Sustainable Development for Our Common Future: A History of the World Commission on Environment and Development (Brundtland Commission). London; New York: Routledge, 2014.

Материалы форумов

- Официальный каталог 2014* – Официальный каталог IV Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» 10–11 декабря 2014.
- Программа 2014* – Программа IV Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» 10–11 декабря 2014 г., Санкт-Петербург. URL: http://www.forumarctic.com/conf2015/visitors/the-forum-2014/FANB%202014_programme.pdf.
- Программа 2015* – Программа V Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» 7–8 декабря 2015 г., Санкт-Петербург. URL: http://www.forumarctic.com/upload/medialibrary/031/Programme_FANB2015.pdf.
- Программа проведения 2014* – Программа проведения II Международного арктического правового форума «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты» 13–14 ноября 2014 г., Санкт-Петербург.
- Резолюция, проект 2014* – IV Международный форум «Арктика: настоящее и будущее» 10–11 декабря 2014, Санкт-Петербург. Проект: Резолюция. Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2014 г.
- Резолюция 2014* – Резолюция IV Международного форума «Арктика: настоящее и будущее». URL: <http://www.forumarctic.com/conf2014/resolution>.
- Рекомендации участников 2014* – Рекомендации участников II Международного арктического правового форума «Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты». 13–14 ноября 2014 г., Санкт-Петербург.
- Сборник докладов, форум АСПОЛ* – IV Международный форум «Арктика: настоящее и будущее». Сборник докладов. 10–11 декабря 2014, Санкт-Петербург. URL: http://2.confspb.z8.ru/Sbornik_Arktika_2014.pdf (источник был доступен до декабря 2015).

Статья поступила в редакцию 3 октября 2016 г.

Gavrilova Kseniya A.

REPRESENTATION OF THE RUSSIAN ARCTIC IN ARCTIC FORA DISCOURSES*

Abstract. The article analyzes the rhetoric used to represent the Russian Arctic and its management-related problems during the Arctic fora of 2014 and 2015. The general context of the fora is described including main fora participants (speakers) and organizers as well as topics often raised and discussed. Considered are key discursive categories – fragility, security, and sustainable development – that make up a stereotypical picture of the region as a unique territory that requires special regulatory policies. The article's main focus is on people inhabiting the Arctic – their classification, designation, and characteristics. The social portrait of the Arctic consists of two contraposed groups of inhabitants – 'indigenous people' and 'human resources'. The 'indigenous' population constitutes a special group that needs a system of social preferences and state support programmes as it is numerically small and vulnerable. The Russian Arctic's 'human resources' group is spoken of as a universal 'labour legion' that

guarantees the functioning and development of the Arctic industry, transport systems, mono-towns, and shelf development areas. The first group is associated with exotica and traditions (the continuity of culture) while the second group is thought of as a basic form of state presence in the Arctic –through the region’s resources development. It is indicative that the permanent population of the Arctic is represented as a purely passive and dependent object subjected to state control. Using the discourse analysis method, the research identifies key discursive strategies and categories (lexemes, collocations, and entire motives) that form the rhetoric of the Arctic fora.

Keywords: Arctic, Russian Arctic, Arctic forum, indigenous peoples, human resources, North’s numerically small indigenous peoples, Arctic development, discourse analysis

DOI: 10.17223/2312461X/14/3

* The article is written with support from the Russian Scientific Foundation, project # 14-18-02136 “ ‘The children of the 1990s’ in the modern Russian Arctic: the evaluation of the present and the desired future”.

References

- Funk D. In search of a «Roster of 26 smaller peoples of the North» of Russia, *Vargyas G. (Ed.). Passageways. From Hungarian Ethnography to European Ethnology and Sociocultural Anthropology*. Budapest: L’Harmattan, 2009, pp. 315-329.
- Harlow J., Golub A., Allen B. A Review of Utopian Themes in Sustainable Development Discourse, *Sustainable Development*. 2013 (2011), Vol. 21 (4), pp. 270-280.
- Kopnina H. Schooling the World: Exploring the critical course on sustainable development through an anthropological lens, *International Journal of Educational Research*, 2013, Vol. 62, pp. 220-228.
- Oldfield J.D. Russia, Systemic Transformation and the Concept of Sustainable Development, *Environmental Politics*, 2003, Vol. 10 (3), pp. 94-110.
- Springett D. Critical Perspectives on Sustainable Development, *Sustainable Development*, 2013, Vol. 21, pp. 73-82.
- Steinberg P.E., Tasch J., Gerhardt H. *Contesting the Arctic: Politics and Imaginaries in the Circumpolar North*. London – New York: I.B. Tauris, 2015.
- Vakhtin N. European University at St. Petersburg. New Program on Arctic / Siberian Studies, *Sibirica*, 2012, Vol. 11, no. 3, pp. 56-70.
- van Dijk T.A. The Study of Discourse, *Discourse as Structure and Process*. T.A. van Dijk (Ed.). Vol. 1: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London, 1997, pp. 1-34.
- Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Cambridge, MA & Oxford, 1994.
- Borowy I. *Defining Sustainable Development for Our Common Future: A History of the World Commission on Environment and Development (Brundtland Commission)*. London and New York: Routledge, 2014.
- Kommentarii k federal'nomu zakonu «O gosudarstvennom iazyke Rossiiskoi Federatsii»*. Chast' 2: Normy sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka kak gosudarstvennogo (Kompleksnyi normativnyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka). Kn. 1: A–M. Pod obshch. red. G.N. Skliarevskoi, E.Iu. Vaulinoi [Comments on the Federal Law ‘On the state language of the Russian Federation’. Part 2: Norms of the modern Russian literary language as a state language (A comprehensive standard dictionary of the modern Russian language). Book 1: A–M. Edited by G.N. Sklyarevskaya, E.Yu. Vaulina]. St. Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, 2009.
- Lukin Iu.F. Arktika: nastoiashchee i budushchee [The Arctic: the present and the future], *Arktika i Sever*, 2015, no. 18, pp. 173-177.

- Nazukina M.V. Osnovnye trendy pozitsionirovaniia regionov rossiiskoi Arktiki [Major trends in the positioning of the Russian Arctic regions], *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2013, no. 5, pp. 59-68.
- Osnovnye polozenia strategii ustoichivogo razvitiia Rossii* [The basic points of the strategy of sustainable development of Russia]. Ed. by A.M. Shelekhova. Moscow, 2002. Available at: <http://www-sbras.nsc.ru/win/sbras/bef/strat.html>.
- Sokolovskii S.V. Korennye narody: ot politiki strategicheskogo essentsializma k printsipu sotsial'noi spravedlivosti [Indigenous peoples: from the politics of strategic essentialism to the principle of social justice], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 4, pp. 59-76.